

Наташа (утирая слезы):— Онъ мнѣ нравится... Только... дайте ему надежду, пускай онъ ѣздитъ въ домъ, пускай будетъ, какъ женихъ... Только... я сама не знаю! Вы такъ скоро мнѣ сказали... я не знаю... мнѣ стыдно плакать о глупостяхъ. Маман, вы сами сумѣете какъ ему сказать.. я напередъ на все согласна.

Анна Николаевна:— Ну, и давно бы такъ! Объ чемъ же плакать, мой ангелъ? (Крестить се).— Христосъ съ тобой! въ добрый часъ! (Уходитъ).

Наташа:— Ахъ!

Княжна Софья:— Ты побѣдила, кузина! Поздравляю тебя! Невѣста!

Наташа:— Какъ скоро все это сдѣлалось. (Уходитъ).

Княжна Софья:— Правда. Когда мы чего-нибудь желаемъ, и желаніе наше исполнится, то намъ всегда кажется, что оно исполнилось слишкомъ скоро. Мы лучше любимъ видѣть радость въ будущемъ, нежели въ минувшемъ... Она счастлива... а я?.. Зачѣмъ раскаиваться? Люди не виновны, если судьба нечаянно исполняетъ ихъ дурныя желанья: стало быть они справедливы... стало быть мое сердце должно быть покойно... должно бы было быть покойно!..

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ.

Февраля 4-го вечеръ.

Зала въ домѣ Гавла Григор.: слуги зажигаютъ лампы.

Первый:— Онъ, чай, былъ не въ своемъ умѣ: отъ вчерашняго еще не опомнился.

Второй:— Какъ сказалъ ему баринъ?

Третій:— «Проклинаю тебя!» сказалъ онъ ему.

Второй:— Владиміръ Павловичъ не заслужилъ этого.

Первый:— А гдѣ старый баринъ?

Третій:— Уѣхалъ въ гости.

Второй:— Былъ ли онъ встревоженъ, когда ты ему подавалъ одѣваться?

Третій:— Нимало. Ни разу меня не ударилъ. Проклясть сына, ѣхать въ гости— эти двѣ вещи для него такъ близки между собою, какъ выпить стаканъ вина и стаканъ воды.

Первый:— А крѣпко поговорилъ молодой баринъ своему батюшкѣ; тотъ сначала и не опомнился.

Второй:— Оно все такъ, а только жалко, ей-Богу жалко! Отцовское проклятiе не шутка! Лучше жерновъ положить себѣ на сердце.

Третій:— Ивану не велѣно отъ него отходить... Вотъ отецъ!.. Вѣдь проклять, а все боится, чтобъ сынъ на себя рукъ не наложилъ.

Второй:— Кровь говоритъ.

Третій:— А по моему, такъ лучше убить, чѣмъ проклясть.

СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ.

Февраля 4-го вечеръ.

Комната Владиміра. Луна свѣтитъ въ окно. Владиміръ возлѣ стола, опершись на него рукою. Иванъ у двери.

Иванъ:— Здоровы ли вы, сударь?

Владиміръ:— На что тебѣ?

Иванъ:— Вы блѣдны.

Владиміръ:— Я блѣденъ?.. Когда-нибудь буду еще блѣднѣе.

Иванъ:— Вашъ батюшка только погорячился: онъ скоро васъ проститъ.

Владиміръ:— Поди, добрый человекъ; это до тебя не касается.

Иванъ:— Мнѣ не велѣно отъ васъ отходить.

Владиміръ:— Ты лжешь: здѣсь нѣтъ никого, кто бы занимался мною. Оставь меня—я здоровъ.

Иванъ:— Напрасно, сударь, хотите меня увѣрить въ томъ. Вашъ разстроенный видъ, бродящiе глаза, дрожащiй голосъ показываютъ совсѣмъ противное.

Владиміръ (вынимаетъ кошелекъ; про себя):— Я слышалъ, что деньги дѣлаютъ изъ людей все. (Громко). Возьми—и ступай отсюда. Здѣсь тридцать червонцевъ.

Иванъ:— За тридцать серебряниковъ продалъ Иуда нашего Спасителя; а это еще золото... Пѣтъ, баринъ, я не такой человекъ; хотя я рабъ, а не рѣшусь отъ васъ взять денегъ за такую услугу.

Владиміръ (бросаетъ кошелекъ въ окно, которое разбивается; стекла звенятъ и кошелекъ упадетъ на улицу):— Такъ пусть кто-нибудь подниметъ!

Иванъ:— Что это, сударь, съ вами дѣлается? Утѣшиться—не все горе...

Владиміръ:— Однако жъ...

Иванъ:— Богъ пошлетъ вамъ счастье, хотя бы за то только, что меня облагодѣтельствовали. Никогда я, видить Богъ, отъ васъ сердитаго слова не слыхалъ.

Владиміръ:— Точно?

Иванъ:— Я всегда беру женѣ и дѣтямъ за васъ Богу молиться.

Владиміръ (разсѣянно):— Такъ у тебя есть жена и дѣти?

Иванъ:— Да еще какія—будто съ неба... добрая жена... а малышки! сердце радуется, глядя на нихъ.

Владиміръ:— Если я тебѣ сдѣлалъ добро, исполни мою единственную просьбу.

Иванъ:— И тѣломъ, и душой готовъ, батюшка, на вашу службу...

Владиміръ (беретъ его за руку):— У тебя есть дѣти... не проклинай ихъ никогда!